

Марина Цветаева

Царь-девица

Марина Цветаева

Царь-девица

«Public Domain»

1920

Цветаева М. И.

Царь-девица / М. И. Цветаева — «Public Domain», 1920

«Как у молодой змеи – да старый уж,
Как у молодой жены – да старый
муж,
Морда тыквой, живот шаром, дышит – терем дрожит,
От усов-то перегаром на сто верст округ разит...»

Содержание

Ночь первая	6
Встреча первая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марина Цветаева

Царь-девица

Поэма-сказка

Как у молодой змеи – да старый *уж*,
Как у молодой жены – да старый муж,
Морда тыквой, живот шаром, дышит – терем дрожит,
От усов-то перегаром на сто верст округ разит.

Как у мачехи у младенькой – сынок в потолок,
Не разбойничек, не всадничек, не силач, не стрелок,
Вместо щек – одни-то впадинки, губы крепко молчат.
Как в дворцовом палисадничке гусли за полночь бренчат...
Поведешь в его сторонку оком —

Смотрит в стену.
Дай-ка боком
Д'нелароком
Да задену!

Ночь первая

Спит Царевич, распростерся,
Спит, не слышит ничего,
Ровно палочкой уперся
Месяц в личико его.

Соврала, что палочкой:
Перстом светлым, пальчиком.
И стоит бабенка шалая
Над мальчиком.

“Скрытные твои ресницы, —
Без огня сожжена!
Отчего я не девица,
А чужая жена!

Отчего-то людям спится,
А мне плачется!
Отчего тебе не мать родная
Я, а мачеха?

На кроваточке одной
Сынок с матушкой родной.
С головеночкой льняной
Ребеночек мой!

Молчи, пес цепной!
Не реви, царь морской!
Проходи, сон дурной!
Ребеночек – мой!

В кипяток положи яйцо —
Да как не сварится?
Как на личико твое цветочное
Не зариться?

Для одной твоей лежанки
Я на свет рождена.
Я царевичу служанка —
Не царёва жена.

Обдери меня на лыко,
Псам на ужин изжарь!
Хошь, диковинный с музыкой
Заведу – кубарь?

Гляжу в зеркальце, дивлюся:

Али грудь плоска?
Хочешь, два тебе – на бусы —
Подарю глазка?

Не введу в расход, – задаром!”
А сынок в ответ,
– К взрослым пасынкам – нестарым
Мачехам ходить не след. —

* * *

“Дай подушечку поправлю!”
– Я сам примощусь! —
“Как же так тебя оставлю?”
– Я и сам обойдусь! —

“Ай пониже? Ай повыше?”
– Мне твой вид постыл! —
“Видно, разум твой мальчиший
Звоном по морю уплыл.

Али ручки не белы?”
– В море пена белей! —
“Али губки не алы?”
– В море зори алей! —

“Али грудь не высока?”
– Мне что грудь – что доска! —
“Можно рядушком прилечь?”
– Постеля узка! —

“Коль и впрямь она узка – свернусь в трубочку!
Говорливые мои шелка? – скину юбочку!
Все, что знала, позабыла нынче за ночь я:
Я крестьяночка, твоей души служаночка!”

А Царевич ей в ответ
Опять всё то же:
Всё: негоже, да не трожь,
Не трожь, негоже!

“Али личиком и впрямь не бела?”
– Не страми родство, да брось озорство! —
“Ох, зачем тебя не я родила?”
– Мне не надо твоего – ничего! —

“Ох, височки, волосочки мои!”
– Корабельные досочки мои! —

* * *

Поздний свет в ночи, да треньканье струн...
То царевичев усердный шептун
Три свечи зажег – да вниз головой,
Да псалмы поет на лад плясовой.

На угодничков плюет, давит мух,
Черных сродничков своих славит вслух.
– Распотешь себя, душа, распотешь! —
Над лампадочкой святой клонит плешь.

– Слюнка, слюнка моя, верный плевок!
Ты в лампадочке моей – поплавок.
Я не даром старичок-колдунок:
Не царевичев ли вижу челнок?

Шея лебедем, высок, белогруд,
В нем Царевич мой, и я с ним сам-друг.
Всколыхнулася лазурная рябь:
К нам на гусельный на звон – Жар-Корабль!

Подивись со мной, пророк Моисей!
Купины твоей прекрасной – красней!
Посередке же, с простертой рукой —
Не то Ангел, не то Воин какой.

Что за притча? Что за гость-за-сосед?
Не то в латы, не то в ризы одет!
С корабля кладет две легких доски,
Да Царевичу дает две руки.

Всполохнулся мой Царевич – погиб! —
Половицы тут в ночи: скрип да скрип,
Голосочек тут в ночи: “Дядь, а дядь!
Научи меня, старик, колдовать!
Опостылела царёва кровать!
Я с Царевичем хочу ночевать”.

– Что ты, матушка, кто ж с пасынком спит? —
“Царь с бутылкою в обнимку храпит.
Ты царевичеву кровь развяжи:
Коршунком ко мне на грудь положи!”

Усмехнулся в бороденку старик:
Хоть царица, а проста на язык!
Ночевать одной, поди, невтерпеж!..
– Что ж, краса, мне за работу кладешь?

“Положу тебе шесть сот соболей”.
– Мне плевочек твой единый милей!

“Скат заморского сукна на кафтан”.
– Из сукна того скатай сарафан!

“Так червонцев нагржу чугунок”.
– Дешев, дешев тебе царский сынок!

Приклонись ко мне, Царица, ушком,
Цену сам тебе скажу шепотком. —

Помертвела ровно столб соляной,
Д’как сорвется, д’как взовьется струной,

Как плевком ему да вызвездит лоб!..
“Хам! Охальник! Худородный холоп!

Целовать тебя – повешусь допрежь!”
Старикашка ничего, вытер плешь:

– Хочешь проку, красоты не желей!
Погляди-ка ты в лампадный елей!

Дунь и плюнь! Сделай рябь!
Что ты видишь? – “Корабль.

Без гребцов-парусов,
Само море несет”.
– Ну-кось? – “Чтой-то темно”.
– Плюнь на самое дно!

Ну-кось? – “Ходко бежит!
Кто-то в лежку лежит:
Человек молодой...
– Светел пасынок мой!”

Смотрит в синюю гладь.
Ничего не видать.

– Перстень в масле брось!
Ну-кось? – “Рученьки врозь.
Бусы в левой руке,
Гусли в правой руке.

Привалился к корме.
Думу держит в уме”.

– Топни правой ногой!
Что ты видишь? – “Другой
В синеморскую хлябь
Выплывает корабь.

В сини-волны в упор
Грудь высокую впер.
Посередке – костер,
Пурпуровый шатер”.

– Полный круг обойди!
Ну-кось! Зорче гляди! —

“Душу сперло в груди!
Дева всех впереди!
Великановый рост,
Пояс – змей-самохлест,
Головою до звезд,
С головы конский хвост,
Месяц в ухе серьгой...”
– Топни левой ногой! —

Левой ножкой топнула,
Да как охнет, взглянув!
Да как навзничь грохнется,
Колен не согнув!

Да как затылком чокнется
С заслонкой печной! —
Подсмотрел в окошечко
Месяц, сторож ночной.

* * *

– Ох вы, бабы дела келейные! —
Положил свою кладь на лавочку.
– Вынь из ближнего, из нашейного
Из платочка сваво – булавочку.

Ты упрись ею в грудь высокую,
Напой ее кровью досыта.
А пленишь молодого сокола,
Помяни и меня, красоточка! —

Дерганула рукою спешною:
Грудь раскинулась – цветом яблочным!
Вынимает из тела грешного
Пурпуровую – всю – булавочку:

“Всю до капли кровь
За его любовь!
Всю из жилок прочь
За одну за ночь!”

Тот булавку враз
Ртом клыкастым – хватать!
– Как начнет в волнах
Дева-Зверь вставать —

И вколи ему змейку в шиворот,
Чтобы вся их любовь – навыворот!
От булавки той – будет крепко спать,
Она звать его, а он пуще спать...
Ляжет парень смирней травиночки,
От кровиночки-булавиночки.

Вру – оставь в руке
Бороденки клоч! —
А она в тоске:
“Получай залог!”
И, прильнув к бороде взъерошенной,
В ночь – с улыбочкой перекошенной.

* * *

Лежит Царевич мой бессонный,
Как лебедь крылья разбросал;
“Всё отдал бы, весь сан престольный,
Кто бы мне душу распростал!

Не естся яблочко румяно,
Не пьются женские уста,
Все в пурпуровые туманы
Уводит синяя верста.

Каким правителем вам буду,
Каким героем-силачом —
Я, гусяришка узкогрудый,
Не понимающий ни в чем!

Как с конницей-связусь-пехотой,
Когда до бабы не охоч!”
И, опершись на локоточек,
Такой унылый смотрит в ночь.

* * *

А за дверью скреб да скреб...

“Дядька, ты?”

– Я, твой лодырь,
Твой холоп-лысолоб!

Светлый колос мой, опять клонишь лоб?
Слабый голос твой меня силком приволок!

Что ж не спишь опять? – “Не сплю, не дремлю,
Дрему, радужную птицу, ловлю.
Поступь легкая, и птица близка,
Да ни сети у меня, ни силка”.

– Не испить тебе бы маку? —
“Не в настойке суть!
В этих подлостях и так уж
Я увяз по грудь.

Все-то нежат день-деньской,
Тешат, нянчат, —
Ровно цветик я какой,
Одуванчик!

Отчего душа теснится,
Грудь для вздоху мала?”
– Оттого, что Чудо-Птица
В ней гнездо завила.

“Отчего на бабьи речи
Весь – как ржавый замок?”
– Оттого, что узкоплечий:
Не по гостье – домок!

“Отчего корабь морями
Сам без весел плывет?”
– Оттого, что за морями
Царь-Девица живет!

Встреча первая

Не слетались голуби
К окну, за крупой —
Встал Царевич сгорбленный,
Кручинный такой.

Вкруг очей – что обручи,
Набились круги.
Чай, опять на ковричек —
Да с левой ноги!

Гребешок потрагивал —
Из рук пустил!
Сапжок натягивал —
Да так застыл.

“Не понять, чем бабам
Моя суть хороша!
Руки-ноги слабые,
Как есть – лапша!

Награди халатиком,
Крещеный мир!
Цельный полк как я таких
Взойдет в мундир.

Кто б меня да турманом
Да в тартарары!
Где глаза лазурные?
Две черных дыры.

Снеговое скатерти,
Мертвец – весь сказ!
Вся-то кровь до капельки
К губам собралась!

Василька от робости
В полях не сорву.
Киньте в воду – пробочкой
Поверх всплыву!

Само солнце пятится,
Не кажет лица.
Видно, в полночь, в пятницу
На свет родился.

До любви нелакомый,

Себе немил —
Видно, месяц, плакамши,
Слезой обронил”.

* * *

Слабыми руками
Вдоль перил витых,
Слабыми шажками
С лестничек крутых.

Не трубили зорю
С крепостной стены.
В небесах Егорий
Не разжег войны.

Спит кузнец над горном,
Спит косарь в копне.
– Чей глазочек черный
В слуховом окне?

Что за соглядатай
Мерит даль зыбей —
Выше голубятни,
Раньше голубей?

Нет такой вершины,
Чтоб тоске – крута!
Лучше всех аршинов —
Черный взгляд-верста.

Берегитесь, люди,
Некалёных стрел!
Ветр с кудрями-грудью,
Как любовник, смел.

Уж такой ревнитель!
Всюду – враз – рука!
Что б дружочку прыти
Взять у ветерка?

“Дар ты мой обманной,
Клад непокупной!
Ровно столб туманный,
Аль дымок степной...”

Пьет – отца хоронит,
А ступнёт шажком —
Вот сейчас обронит

Ножку с сапожком.

Шагай с косогору,
Плыви – вдаль – водой...
Не уйдешь от взору
Мачехи младой!

Всё ж на Зверь-Солдатку
Не откроешь глаз:
В вороток твой сладкий
Я змеей впилась!”

* * *

– Ох ты воля! – дорогая! – корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!

* * *

Прискакав с ночной атаки
(На лбу – пот росою крупной),
У окна сваво, над взморьем,
Царь-Девица саблю чистит.

На плече на правом – голубь,
На плече на левом – кречет.
У ее подножья нянька
Ей сапожки начищает.

“Ох ты, царь мой, Царь-Девица,
Вихрь-Девица, Жар-Девица!
Нету мне с тобою сладу,
Не покоишь мою старость.

Погляжу на кудри гривой,
Погляжу на взор пожаром —
Как не я тебя, а львица
Львиным молоком вскормила!

День встает – врага сражаешь,
Полдень бьет – по чашам рыщешь,
Вечер пал – по хлябям плящешь,
Полночь в дом – с полком пируешь.

Люди спать – ты саблю точишь,
В церковь – псов из ручек кормишь.
Вся родня и отступилась.
Дай-ка правую мне ножку!”

Рассмеялась Царь-Девица:
“Мне и любо без родни-то!
Огонь – отец мне, Вода – мать,
Ветер – брат мне, сестра – Буря.
Мне другой родни не надо!”

Осерчала нянька: “Полно
Ржать-то, ровно кобылица!
Как бы этим ржаньем всех-то
Женихов не распугала!”

Пуще Дева-Царь хохочет:
“Эка сладость – женихи-то!
Мой жених – мой меч пресветлый,
Меч мой сабельный, веселый:
Мне других дружков – не надо!”

Пригорюнилась тут нянька:
“Порвала б цветочков в поле,
Завела б себе подружек,
Позабавилась б маненько...”
Ей в ответ с усмешкой Дева:
– “Трубный звон – моя забава!
Мне иных забав – не надо!”

“Первенчалась бы с красавцем, —
Нянька у ней в ножках хнычет, —
Сбросила б наряд свой мерзкий,
Да над люлькой над роскошной,
Над пеленочной заботой,
Всю бы ночь, заместо гульбищ,
Все бы пела-распевала”.

Топнула ногой тут Дева:
– Нянька ты, а я – Царь-Демон!
Кой мне черт в твоих пеленках!
Бранный быт – моя забота!
Мне иных забот – не надо!

...Отстранись-ка, нянька, что за
Звон с воды встает за чудный?
Чтой-то под моим окошком
Волны за слова лепечут?

* * *

– Гусли, гусли-самозвоны,
Вся забавушка моя!
Из зубчатой из короны

Ни зубца не стою я.

Не слышал еще, как бабы
По ночам толкуют сны.
Гусли, гусли – вся забава
Осьмнадцатой весны!

Я, мальчишка узкогрудый,
С бранным бытом незнаком.
Гусли, гусли-самогуды
Мне – единственный закон!

Я до смертного до поту
Не отстану от струны!
Гусли, гусли – вся забота
Осьмнадцатой весны!

* * *

Просияла Царь-Девица:
Терем враз озолотила.
“Баб не любишь? Драк не любишь?
Ну, тебя-то мне и надо!
Как, к примеру, Дева-Царь я,
Так, выходит, – Царь-ты-Дева!
Уж с таким-то голосочком
Муж за прялку не засодит!”

Хлопнула тут Царь в ладоши:
“Повели, чтоб тем же часом
Вихря-мне-Коня седлали!”

Хлопнула в ладоши дважды:
“Повели, чтоб тем же часом
Был Корабль готов к отплытью!”

Трижды хлопнула в ладоши:
“Повели, чтоб тем же часом
Для прощального параду
Там, на площади великой,
Все наши полки собирались!
– Дура старая, что хнычешь?
Али жалко, что последний
День встает наш, Царь-Девицын?” —

“Ошалела я от счастья, —
Нянька хнычет под ногами, —
Знать, за все мои молитвы, за слёзные,
Вить гнездо тебе, моя орлица безгнездная!

Знать, недаром карты ввали,
Знать, недаром я все ночи,
Притаясь, наряд венчальный
Тебе шила-расшивала.
Утюжок пойду поставлю:
Хоть и глаженный, а надоть
Для красы провести маненько...

– Что ж ты рот перекривила?”

“Как в раззолоченной попонке
Негоже бранному коню,
Ужель атласною тряпчонкой
Свою же славу заслону?”

Цельному войску господином
Была, – так справлюсь и с одним!
Одним своим лучом единым
Мы светел-месяц полоним”.

Опоясалась тут саблей,
Свистнула в кулак свой смуглый,
И на зов ее кулашный
Вихорь-Конь к ней на крылечко
Белой молнией взлетает.

“Ну, простимся, нянька, что ли?
Там, на площади великой,
Будет нам не до тебя уж”.

Чмокнула с размаху няньку
В рот морщинистый, соленый,
И с окошечка резного
Коню на спину с размаху
Белой птицею махнула.

* * *

Не колосочки овсяные
До солнышка встают в ряды, —
То ратнички ее стальные
Равняются на площади.

Толк по рядам прошел безвестный:
“Не будет Девы-нам-Царя!”
И что нам до зари небесной,
Когда земная нам заря!

Топчи, конь вражеский, посеvy!

Все в море кол'кола, звонарь!
И вздох тут: “Дева! Дева! Дева!”
И рокот: “Царь наш! Царь наш! Царь!”

Грудь в светлых латах, лоб – обломом,
С подсолнечником равен лик.
Как из одной груди тут громом:
“Сам Михаил-Архистратиг!”

“Здорово, стан сильномогучий!” —
Гремит громopodobный глас.
Рече – и, рассекая тучи,
Промеж рядочков понеслась.

Конь с Девицею точно сросся;
Не различишь, коли вдали:
Хвост конский, али семишёрстый
Султан с девичьей головы!

Как вихрь промеж рядочков вихрит,
Пот – градом сквозь пожар ланит.
Лишь где на том конце затихнет,
Уж на другом конце гремит.

Уж никогда грозней да лучше
Трубач губастый не трубил.
Гром-барабанщик обе ручки
По локоток себе отбил.

Как облачная рать в лазури —
Полк за полком, полк за полком.
И подает полкам Царь-Буря
Тут знак малиновым платком.

“Прощайте, верные мундиры!
Стан сухопутный, стан морской!
Как вам – такого командира,
Команды мне не знать такой.

Ни сына у меня, ни дочек,
Вся без остатку пропаду!
Кто на маво коня да вскочит,
Того наследником кладу.

Перехожу в иную веру,
Всю вольность отдаю за грош...
Но следом моему примеру —
Вы бабами не станьте тож!”

Словно лес какой червонный —
Все склоняются знамена...

Словно лик какой явленный —
Все склоняются колена.

Словно реки в половодье —
Слезы светлые текут.

* * *

“Рев – сарафанам; кровь – доспехам! —
Им Дева молвит свысока. —
Смерть самоё встречают смехом
Мои усердные войска.

Аль осердить меня решили?”
Стойком на стременах встает,
Всем руки сильные, большие
На целование дает...

“Чад не балуйте, баб не бейте,
Мечом рубите новизну!
А помянуть меня – пропейте
Сегодня всю нашу казну!”

– Прощайте! – почернела разом,
– Простите! – разломила щит...
Мчит, а за ней против приказу
Гром-барабанщик следом мчит.

“Как две руки мои отбиты,
Дай хоть с мизинца ноготок!”
На всем скажу рукой сердитой
Раздергивает жар-платок.

Рвет надвое платок-ширинку,
И, голову пригнув к плечу:
“На, барабанщик, половинку!
Другая будет трубачу”.

* * *

Песнь прежалостную тут мы споем:
Как прощалась Царь-Девица с конем.

Как дружочка за загривок брала,
Сахарочку в рот брусочек клала,

Целовала как, огня горячей.
Промеж грозных, промеж кротких очей,

Прижималась как – щекой золотой
К конской шее лебединой, крутой...

Повязавши как шнурком поясным,
В ножки кланялась поклоном земным,

Как покорно – что гайдук-есаул —
Белый конь в ответ колено согнул,

Как пригнушись, чтоб не слышал никто,
Сотворила ему речь на ушко.

* * *

И еще-то мы прибавим к сему,
Как все слезки до единой ему

Сцеловала – ровно брат-ей-жених —
С карих ласковых очей дорогих,

Как все жилы напряжились на лбу,
Себе в кровь как закусила губу.

Как по сходням взошла
Стопудовой пятой,
Как прах с ног отрясла,
Как махнула рукой.

Полк замертво свалился пьяный.
Конь пеной изошел, скача.
Дух вылетел из барабана.
Грудь лопнула у трубача.

* * *

“Что за костер это мчится в степях синих вод?”
– То сваму счастью навстречу красotka плывет.

“Кто ж у ней славно так правит рулем-кораблем?”
– Море им правит, так вот он и прет напролом!

“А под шатром-то, с лицом-то как шар золотой,
Что там за Воин – за Ангел – за Демон такой?”

Каску хвостатую ветр ему сшиб набекрень,
Ростом-то – башня, в плечах-то косая сажень!

В хладной пучине, чай, крестит купецкую тварь?”
– Мчит на смотрины, а имя ему – Дева-Царь.

“Как это?” – Так это! – “Что ж за краса без косиц?”
– Кос всюду досыта! А светлолиц, круглолиц, —

Солнцу на ревность! – “Уж больно плеча высоки!”
– А поясочек-то! Перстень берет в пояски!

Спорить-то нечего! Каб не свобода-душа:
Кабы не плечики – вся б в перстенечек прошла!

Так, почаявничав позавчерашним хвостом,
Спор-заводили-беседу акула с китом.

* * *

Отдыхает зыбь-красотка
От ночи своей от ндравной.
Идут ровно, идут славно,
Идут славно, идут ходко.

Словно месяц в полнолунье —
Звон собой все море занял.
Струнки, струнки-говоруны,
Жилочки мои бараньи!

Лежит Царский сын на спинке,
Гусельки зажал любовно,
Ходят пальцы без запинки,
Ходят славно, ходят ровно.

В чудный час передвосходный
Мой совет тебе – кто б ни был!
Меняй страстный путь на водный!
Бросай бабу, – иди к рыбам!

Говорят: яд рыбий горек,
Говорят: яд бабий – тоже!
Да по крайности не спорит,
Как с нее сдираешь кожу!

Бабе: дура! она: родный!
Ты ей в рыло, она: милый!
Не теряй на подлость силу
В чудный час передвосходный!

Эх вы, царские сыночки!

Эх мы, сосны-чернолесье!
– Ни денек тебе, ни ночка,
Ни заря тебе, ни месяц.

Ни корабь тебе, ни зыбка,
В ней ни муж тебе, ни дева,
Ни гармонь в руках, ни скрипка,
Ни те вправо, ни те влево...

Вдруг как вскочит корабь-лодка,
Как припустится с прискоком!
Уж не ровно, уж не ходко:
Идут скоком, идут боком.

Уж такая дурь да дикость,
Новгородское аж Вече!
“Ну-кошь, дядька, погляди-кошь:
Ай корабь какой навстречу?”

Отвечает тот, осклабясь:
(Дух учуял Царь-Девицын!)
“Ни в волне мозгов, ни в бабе!
Стало – нечего дивиться.

В море плыть – не землянику
Брать, аль в шахматы-бирюльки!
То – корабь тебе, то – люлька!
Лучше песню затяни-ка”.

Тот поет, а рев вокруг-то:
Точно львица с львом сцепилась!
Привстает гусяр по грудку:
“Что за притча? Ай взбесилось?”

До зари-то, глянь, час цельный,
А волна-то, глянь, – кровь-кровью!”
– Пой, сыночек, на здоровье! —
“Нет уж, – не до колыбельной!”

Хлябь-то тигрой полосатой:
Вал пурпурный, вал червонный...
– Спи, сыночек, час-то сонный!
– “Нет уж, дядька, не до сна тут!”

Хочет встать, а тот булавку
Ему в шиворот – как вгонит!
Хочет встать, а сон-то клонит,
Как ягнечка на травку,
Как купца валит к прилавку...

Спит...

Тут как вздрогнет жук навозный,
Раб неверный, тварь иудья:
С кораблем-челном – грудь с грудью —
Жар-Корабль стоит, гость грозный.

* * *

То не солнце по золотым ступеням —
Сходит Дева-Царь по красным сходням.

Под военной да под веской стопой
Чуть не треснул весь челнок скорлупой.

Руки в боки – ровно жар-самовар!
Зычным голосом речет: “Где гусяр?”

Дядька в ножки ей – совсем обопсел!
Аж по-пёсьему от страху присел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.